

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

НАО «ВОСТОЧНО-КАЗАХСТАНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени САРСЕНА АМАНЖОЛОВА»

ВОСТОЧНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
КАЗАХСТАНСКОГО ФИЛОСОФСКОГО КОНГРЕССА
МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЦЕНТР МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ И ИННОВАЦИОННЫХ ПРОГРАММ

**ДИАЛЕКТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ АЛЬТЕРНАТИВ
СОВРЕМЕННЫХ СОЦИУМНЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ
И СОЦИАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ**

КОЛЛЕКТИВНАЯ МОНОГРАФИЯ

Усть-Каменогорск, 2022

УДК 316.3
ББК 60.52
С 13

Утверждено к печати Ученым Советом
Восточно-Казахстанского университета имени Сарсена Аманжолова
(Протокол № 13 от 30.06.2022 г.)

Общая редакция:

Н.В. Гусевой, Е.В. Савчук

Рецензенты:

Батурин В.С., д. филос. н., профессор, профессор Карагандинского университета
имени академика Е.А. Букетова, г. Караганда, Казахстан.

Сагизьвы А., д. филос. н., профессор, главный научный сотрудник
Институт философии, политологии и религиоведения КН МОН РК, Алматы, Казахстан

Коллектив авторов:

В.С. Возняк, Н.В. Гусева, Е.С. Ермаков, Д.В. Ермолович, А.Т. Жиренова, С.Т. Корпетанова, А.Г. Косиченко, В.А. Ксенофонтов, В.В. Лимонченко, архимандрит Савва (Мажуко), М.Д. Мужчиль, А.В. Никифоров, О.А. Павловская, И.Е. Прись, Е.В. Савчук, Е.П. Саковский, О.В. Сияков, Э.М. Сороко, А.А. Хамидов, В.М. Шелепов, М.Б. Ширман

С 13 Диалектико-методологический анализ альтернатив современных социумных взаимодействий и социальных процессов / под общей редакцией д.ф.н. Н.В. Гусевой, магистра философии Е.В. Савчук. – Усть-Каменогорск: издательство «Берел» ВКУ имени С. Аманжолова, 2022. – 295 с.

ISBN 978-601-314-595-2

Монография посвящена диалектико-методологическому анализу взаимодействий и процессов, имеющих место в современном обществе. Подход, рассматриваемый и защищаемый авторами, выступает в качестве эвристически значимой замены доминирующему в современном обществознании подходу, рассматривающему общество как совокупность, нагромождение, хаос явлений и событий. Предлагаемое различение социальных процессов и социумных взаимодействий имеет концептуальное значение, позволяя исследователю на основе рассмотрения способа формирования явлений, событий, увидеть неслучайность их констелляции.

Материалы данной монографии рекомендуются ученым гуманитарного профиля, студентам, аспирантам, магистрантам, докторантам, а также всем, кто интересуется актуальным состоянием и перспективами развития человека и общества в современном мире.

УДК 316.3
ББК 60.52

ISBN 978-601-314-595-2

© Гусева Н.В., Савчук Е.В. и др.

© НАО «Восточно-Казахстанский университет
им. С. Аманжолова», 2022

2.10. Реализм: Ж. Бенуа vs Т. Уильямсон

И.Е. Прись

1. Контекстуальный реализм. Контекстуальный реализм (далее: к-реализм), как мы его понимаем, основывается на двух постулатах. Первый постулат даёт единственно возможное определение концепта реальности – выявляет его логику («грамматику»). Реальность – это то, что есть; она такова, какова она есть. Второй постулат устанавливает категориальное различие между реальным и идеальным. К категории реального относятся сами реальные вещи, а также первичный (непосредственный, неконцептуализированный) опыт, «ощущаемое» (фр. le sensible), между которым и реальностью нет никакой дистанции. «Ощущаемое» как часть реальности мы понимаем в самом широком смысле. В этом смысле существует не только чувственный опыт (чувственное ощущаемое, перцепция), но и социальное ощущаемое, математическое ощущаемое, ощущаемое в физике высоких энергий и так далее. Ощущаемое не субъективно, а просто реально. Различие между субъективным и объективным вторично. К категории идеального относятся, в частности, нормы, правила, концепты. Идеальное не реально; это нечто вроде «движения» в реальности, реальном. Идеальное возникает, вырабатывается и укоренено в реальности (в частности, в чувственном опыте, ощущаемом), питается ею, имеет реальные условия своего существования и употребления («движения»). В этом и только этом смысле оно обладает «слабой» реальностью; идеальное не фикция. Можно сказать, что реальность, реальное – это то, к чему применяются (идеальные) нормы, правила, концепты. Последние измеряют реальность, идентифицируют реальные объекты (в самом широком смысле, то есть как то, что имеет объективность) как сами реальные вещи, а не, например, кантовские вещи-для-нас. Применение нормы (правила, концепта) к реальности мы понимаем в терминах витгенштейновской проблемы следования правилу (норме, применения концепта). Новое применение правила (измерение реальности) не является предопределённым (вообще говоря, не существует (мета)правила для следования правилу). Поэтому корректность или некорректность применения правила обосновываема лишь постфактум. Отсутствие предопределённости равносильно присутствию контекста. Нормы/правила/концепты применяются в контексте. Соответствующие суждения зависят от контекста. Понятие контекста нельзя определить точно, так как нельзя определить точно условия применения нормы (правила, концепта), условия корректного суждения. Другими словами, суждение (как и действие) первично. Контекст – это та локальная реальность, почва, в которой возникают смысл, различия, концептуальное/нормативное измерение; контекст есть там и только там, где есть смысл, различия, нормативное/концептуальное измерение. Ж. Бенуа пишет: «(...) Контекст – это не столько внешнее ограничение смысла – как если бы реальность, так сказать, ударяла по смыслу извне – сколько проявление того, что смысл эффективно укоренен в

реальности, а также то, что способствует конституированию самого смысла»¹. Всякое идеальное подразумевает контекст, реальную локальную почву, которая его питает. В противном случае оно превращается в псевдоидеальное. Нормы, правила, концепты мы также называем «идеальными объектами». Реальные объекты – то, что идеальные объекты (корректно) идентифицируют в реальности, то, что «сравнивается» с идеальными объектами. В случае корректной идентификации реального объекта имеет место полное «совпадение» идеального и соответствующего реального объекта. Всякий реальный объект укоренён контексте своей идентификации, – «языковой игре», – то есть в более конкретном контексте, чем контекст – «форма жизни», – в котором укоренён идеальный объект. Поэтому не существует predetermined онтологии. Онтология, так же, как и познание вторичны по сравнению с реальностью как таковой и чувствительны к контексту. Другими словами, контекстуальность, как убедительно показывает Ж. Бенуа, – «фундаментальное эпистемологическое и онтологическое свойство реальности. (...) Реальность реального проявляется именно в отсутствии иммунитета к контексту. (...) “Реальность” становится определённой лишь тогда, когда на ней конструируются некоторые нормы, то есть некоторые формы обращения с ней, позволяющие определить, что в ней «важно», а что нет. Существует лишь контекстуализированная онтология»². Реальность как таковая ни осмысленна, ни бессмысленна, поскольку не имеет смысла говорить о её смысле. По этой же причине не имеет смысла говорить о природе или некой (глубинной) структуре реальности как таковой. Не существует никакой predetermined природы или структуры реальности. Осмысленной и структурированной становится лишь уже концептуализированная часть реальности – форма жизни. Реальные объекты относятся к форме жизни. То есть они получают свою определённую только в результате своей идентификации (в контексте) в рамках формы жизни, имеющей нормативную (логическую и онтологическую) структуру. До такой идентификации не имеет смысла говорить об объектах, а следует говорить просто об элементах реальности – реальные объекты не конструируются, а идентифицируются и приобретают смысл. Таким образом, метафизический реализм, утверждающий существование внешней реальности, состоящей из объектов, имеющих свойства и вступающих в отношения между собой, строго говоря, ложная позиция. Это вторичная позиция, относящаяся к уже концептуализированной части реальности – витгенштейновской «форме жизни». В рамках формы жизни реальный объект идентифицируется, корректно или нет, в результате применения норм/правил/концептов этой формы жизни в рамках языковой игры, которой эти нормы (правила) управляют. Мы говорим о том, что в рамках языковой игры объект (по)является. Таким образом, понятие явления ассоциировано с понятием языковой игры. Различие между реальностью и видимостью (явление может быть иллюзорным) соответствует

¹ Benoist J. *Toward a contextual realism*. Harvard UP, 2021. P. xii–xiii.

² Benoist J. *L'adresse du réel*. Paris: Vrin, 2017. P. 53.

различию между корректным и некорректным применением нормы/ правила /концепта.

Контекстуальный реализм можно назвать «интенциональным реализмом». С одной стороны, корректная идентификация всякого реального объекта предполагает наличие интенции, которая, если употребить терминологию Э. Гуссерля, в результате такой идентификации «наполняется» (следуя Ж. Бенуа, мы интерпретируем/корректируем гуссерлевское «наполнение» интенции как (корректное) удовлетворение норме³, – мы говорим о корректном применении витгенштейновского правила⁴). Реализм, таким образом, «интенциональный», а не метафизический. С другой стороны, укоренённость интенциональности в реальности (идентифицируемом объекте) позволяет говорить об интенциональном «реализме», как если бы сама интенция была реальной (интенция идеальна, но она реальна в «слабом» смысле своей укоренённости в реальности). Два взаимосвязанных, неразделимых, переходящих друг в друга и в конечном итоге отождествляющихся друг с другом аспекта «интенционального реализма» выявляются в результате смещения в этом выражении акцента с одного слова на другое. Аналогичным образом, к-реализм можно назвать «концептуальным реализмом» (но не в смысле реальности концептов, которые идеальны). Опять же, два неотделимых друг от друга и переходящих друг в друга аспекта этого реализма выявляются при смещении акцента в выражении «концептуальный реализм» с одного слова на другое. Укоренённость концептов в реальности позволяет говорить о концептуальном «реализме», как если бы сами концепты были реальными, а необходимость контекстуального применения концептов для идентификации объекта, который до такого применения не существует как определённый объект (а объект не может не быть определённым) – что, как было сказано выше, не равносильно отсутствию некоторого элемента реальности, делающего возможным идентификацию объекта, – позволяет говорить о «концептуальном», а не метафизическом, реализме. Наконец, аналогичным образом к-реализм можно также назвать «нормативным реализмом»: нормы реальны в «слабом» смысле своей укоренённости в реальности и необходимы, чтобы вообще имело смысл говорить о реальных объектах (действиях – в случае практических норм) или мыслить их.

К-реализм применим как в теоретической, так и в практической областях. Нормы могут быть теоретическими (например, когнитивными – как правильно познавать. Примером является норма истины) и/или практическими (в частности, моральными – как поступать). Аналогия между знанием и действием, убедительно отстаиваемая, например, Т. Уильямсоном⁵, подтверждает существование параллели между когнитивным к-реализмом и практическим к-реализмом.

³ Benoit J. Logique du phénomène. Paris: Hermann, 2016. P. 159.

⁴ Прись И.Е. Контекстуальность онтологии и современная физика. СПб: Алетейя, 2020. 346 с.

⁵ Williamson T. Acting on Knowledge/ Knowledge-First. Eds.: J.A. Carter, E. Gordon, B. Jarvis. Oxford UP, 2017. P.163–181.

2. Контекстуальный моральный реализм. Частным случаем норм являются нормы морали, позволяющие оценивать наши поступки как хорошие или плохие (в случае самых общих норм вопрос ставится о том, применяются ли они корректно или нет). То есть мы можем ввести позицию морального реализма как морального к-реализма, или контекстуального морального реализма. Это частный случай и следствие нормативного, или контекстуального, реализма. Другими словами, к-реализм имеет моральное измерение, подразумевает, что вещи имеют моральное измерение, которое выявляется в контексте. Суть морали в принятии во внимание различий там, где они действительно существуют, реальны. Как пишет Витгенштейн по другому поводу, «вопрос в следующем: Можно ли (ясно) различить здесь употребления?», то есть контексты⁶. Имморалист игнорирует различия, безразличен к ним. Стирание различий между контекстами означает некорректное применение норм (например, нормы, применимые в одном контексте, незаконно переносятся в другой контекст, в котором они неприменимы), в том числе и моральных, либо вообще их игнорирование. И наоборот: если признать существование морали, следует признать моральный реализм, то есть существование истинных и/или ложных моральных суждений, существование моральных норм, которым суждения подчиняются, и их корректного и/или некорректного применения, а также то, что моральный реализм не может не быть контекстуальным (всякое суждение контекстуально). В этом смысле к-реализм – следствие правильно понятого морального реализма. Действительно, моральной оценке подлежит лишь то, что реально – наши действия (поступки), чувства и мысли (мысль относится к категории идеального, но она реальна в «слабом» смысле – в смысле своей укоренённости в реальности). И, как было сказано, такая оценка предполагает чувствительность к контексту, выяснение того, какова в данном контексте норма, то есть что важно, а что нет.

Вопрос о важности того или иного концепта – но это относится и к нормам/правилам – ставит Л. Витгенштейн. В частности, в «Заметках о цвете» он пишет: «Понятия людей показывают, что им важно, а что нет»⁷. Например, Витгенштейн спрашивает: «В чём заключается *важность* понятия насыщенного цвета?»⁸. Позже концепту важности особое внимание уделял философ обыденного языка Д.Л. Остин, а в настоящее время его разрабатывает Ж. Бенуа⁹. Согласно Бенуа, отрицание «важности» чего-то (что, на самом деле, важно) – наиболее характерная черта редуктивного (натуралистического) реализма. По сути такой «реализм» отвергает саму моральную реальность. «Там, где ничто не важно, сама реальность моральной жизни – и,

⁶ Витгенштейн Л. Заметки о цвете. М.: Канон-Плюс РООИ «Реабилитация», 2022. См. также: Витгенштейн Л. Заметки о цвете (избранные фрагменты). Вопросы философии. 2020. №6. С.157–168.

⁷ Там же. С. 165

⁸ Там же. Раздел III, §6.

⁹ Прись И.Е. Контекстуальный реализм. Интервью с Жосленом Бенуа. Сибирский философский журнал. 2021. Т. 19. no.1. С. 63–117. С. 92.

следовательно, реальное значение (la portée réelle) морали – ставится под вопрос»¹⁰.

Таким образом, с точки зрения своего к-реализма Ж. Бенуа отвергает натуралистический реализм/редукционизм, отрицающий моральное измерение у вещей, – то, что в одном контексте представляет собой чисто натуралистический факт, в другом может приобрести дополнительное измерение, игнорирование которого означает игнорирование моральной реальности, моральных фактов, выражаемых моральными суждениями, игнорирование или нарушение норм морали. Но к-реализм также отвергает моральный метафизический реализм (платонизм), утверждающий существование деконтекстуализированных норм, *sui generis* (особой) трансцендентной нормативной (моральной, ценностной) реальности. Последний приписывает вещам наличие или отсутствие внутренней, не зависящей от контекста ценности, которая либо присутствует в них, либо нет. Эта моральная сущность одна и та же в тех вещах, в которых она присутствует. Редукционизм и метафизический платонизм – другая крайность – разделяют общие предпосылки метафизического (не принимающего во внимание контекст) реализма и, как следствие, неспособны правильно понять моральную реальность. В конечном итоге они скатываются к имморализму. В известном смысле моральный платонист тоже редукционист, так как он редуцирует контекстуальное измерение, вариабельность норм, проецирует идеальное (интенциональное) на реальное, овеществляет его.

Вообще требование (подлинного) реализма – требование моральное и политическое. К-реализм противостоит скептицизму, релятивизму и нигилизму, которые, как заметил М. Габриэль, являются подлинными врагами демократии. Политический к-реализм – альтернатива не только неолиберализму и неоконсерватизму, но и «реальной политике», «политическому реализму» и «неореализму». К-реализм также отдаёт должное правильно понятому идеализму, провозглашающему верность идеалам. Он принимает на первый взгляд парадоксальный лозунг французской студенческой революции 1968 года – «Будьте реалистами – требуйте невозможного!» в качестве единственно возможного формата реализма¹¹. То есть идеал и способы его реализации, способы преобразования реальности ищутся, вырабатываются в самой реальности.

3. Моральный реализм Уильямсона. В этом разделе мы устанавливаем сходства между моральным к-реализмом Бенуа и «метафизическим» моральным реализмом Уильямсона¹². Для британского философа антиреализм в морали и, в частности, теория моральной ошибки (moral error theory) (Джон Маки (John Mackie), Ионас Олсон (Jonas Olson) и другие) и эволюционный аргумент (Шарон Стрит (Sharon Street)), не выдерживают критики, если признать, что в философии, как и в других науках, а также в обыденной жизни,

¹⁰ Benoist J. (2017). P. 349.

¹¹ Прись И.Е. Реализм Маркса. НГЖ Диалог. 2019. no.1 (13). С. 15–25.

¹² Williamson, T. Moral Anti-Exceptionalism. The Oxford Handbook of Moral Philosophy / eds.: P. Bloomfield, D. Copp. Oxford UP, Forthcoming.

справедлив реалистический принцип вывода к наилучшему объяснению. (К этому принципу мы вернёмся в следующем разделе.)

Для защиты «метафизического» морального (в общем случае нормативного) реализма Уильямсон прибегает к аргументу, который основывается на правдоподобной, принимаемой по умолчанию «нуль-гипотезе» относительно нормативного, в частности, морального, согласно которой общие семантическая, эпистемологическая и метафизическая теории, которые пригодны для ненормативного языка, ненормативных знания и убеждений и ненормативным образом выражаемых состояний дел, свойств и отношений, также пригодны и для нормативного языка, нормативных знания и убеждений и нормативным образом выражаемых состояний дел, свойств и отношений. То есть область нормативного и, в частности, морали не является исключительной в том смысле, что в этой области, как и в других (ненормативных) областях исследования, следует исходить из уже установленных и актуализированных общих семантических, эпистемологических и метафизических положений и теорий. На семантическом уровне нуль гипотеза частично подтверждается неисключительностью морального дискурса, невозможностью отделить его от неморального дискурса в употреблении обыденного языка (на этом, в частности, основывается известный аргумент Фреге-Гича против морального экспрессивизма).

Таким образом, Уильямсон считает возможным применить к моральному дискурсу интенциональную семантику, которая, с его точки зрения, является наилучшей семантической теорией. Интенциональная семантика – композиционная, референционная, истинностно-условная семантика, моделирующая содержание утвердительного предложения (высказывания в контексте) в виде функции из возможных миров в его истинностные значения – «экстенциональ» – в этих мирах. Эта функция – «интенционал» (пропозиция, или состояние дел) предложения. Предполагается, что всякому, в том числе и моральному, утвердительному предложению соответствует некоторое состояние дел. То есть всякое, в том числе и моральное (в общем случае нормативное), предложение A модально соответствует некоторому состоянию дел (пропозиции) P . Более точная формулировка имеет вид: с необходимостью для любого предложения A с необходимостью существует состояние дел P такое, что с необходимостью $P \leftrightarrow A$ (P необходимо и достаточно для A). Например, вкратце, некоторое состояние дел необходимо и достаточно, чтобы некоторый поступок был аморальным. Аналогичным образом, всякий одноместный предикат, в том числе и моральный (в общем случае нормативный), модально соответствует некоторому свойству, которое моделируется интенционалом – функцией из возможных миров в множества объектов в этих мирах, содержащих объект, имеющий это свойство. Например, некоторое свойство необходимо и достаточно, чтобы быть неправым (for being in the wrong). Аналогичным образом, двухместный предикат модально соответствует отношению, моделируемому интенционалом, то есть функцией из возможных миров в множества упорядоченных пар, включающих

упорядоченную пару объектов, вступающих в это отношение. Например, существование некоторого отношения необходимо и достаточно для проступка (wrongdoing). Выбор интенциональной семантики, как уже сказано, обусловлен тем, что это наилучшее объяснение имеющейся лингвистической очевидности по сравнению с другими теориями. В частности, интенциональная семантика предпочтительнее гиперинтенциональной семантики, редуцирующей когнитивную моду представления (о чём речь ниже) к содержанию¹³.

Таким образом, что касается, например, необходимых предложений, то всем им соответствует один-единственный интенционал (пропозиция, состояние дел), то есть все они необходимо эквивалентны друг другу, поскольку все они истинны во всех возможных мирах, имеют одно и то же содержание. Это означает, что с точки зрения интенциональной семантики существует лишь одно необходимое содержание (одна необходимая пропозиция). Необходимые истины (предложения) «Бог существует» (если это действительно истина), « $2+2=4$ », «Все кошки кошки», теорема Ферма, «Число 7 простое», «Мучить людей для удовольствия аморально/неправильно» и так далее имеют одно и то же содержание. На первый взгляд такой подход приводит к проблеме тривиализации метафизики. На самом деле, нет, так как когнитивную ценность имеют не необходимые истины, а необходимые эквивалентности. Например, вовсе не очевидно, что теорема Ферма когнитивно эквивалентна, то есть имеет то же самое содержание, что и предложение $2+2=4$ или предложение «Мучить людей для удовольствия аморально/неправильно». Другими словами, следует принять во внимание существование различных когнитивных мод доступа к одному и тому же содержанию. Когнитивные моды не супервентны над семантическим содержанием, и именно они имеют ценность. И именно для когнитивных мод существует различие между нормативным (нормативными когнитивными модами) и ненормативным (ненормативными когнитивными модами), например, моральным (моральными когнитивными модами). Говорить о специфически нормативных (например, моральных) или специфически ненормативных состояниях дел не имеет смысла, так как существуют как нормативные, так и ненормативные моды доступа к одним и тем же состояниям дел.

Итак, Уильямсон применяет интенциональный подход к моральному дискурсу, поскольку, как было сказано, он принимает нуль-гипотезу. Возьмём, например, предложение «Мучить людей для получения удовольствия аморально/неправильно/плохо». Эмотивист (в более общем случае нонкогнитивист) скажет, что это предложение ни истинно, ни ложно, то есть не существует соответствующего объективного морального факта. Для него слово «аморально (неправильно, плохо)» просто выражает наше негативное эмоциональное отношение к тем, кто мучает людей для удовольствия. Напротив, для Уильямсона предложение выражает необходимую истину. Оно

¹³ Williamson T. Metametaphysics and Semantics. *Metaphilosophy*. Forthcoming; Benoist J. Realismus und Metaphysik. Коллоквиум Института философии Рейнского Боннского университета Фридриха Вильгельма (9 июня 2016 года), 2016. Рукопись.

имеет то же содержание, что и тривиальная истина $2+2=4$. Но когнитивную ценность, как было сказано выше, имеет не необходимая истина, а необходимая эквивалентность предложения «Мучить людей для получения удовольствия аморально/неправильно/плохо» и предложения « $2+2=4$ ». Другими словами, ценность здесь именно в существовании моральной моды доступа к необходимой истине. Ещё одна мода доступа к тому же содержанию, очевидно, выражается ненормативным предложением «Мучить людей для получения удовольствия». Если не делать различия между содержанием предложения (высказывания в контексте) и когнитивной модой доступа к его содержанию, то есть проецировать моду доступа на содержание (как это делают, например, гиперинтенционалисты), то возникают две крайние и ложные позиции: либо моральных фактов не существует, а существуют лишь ненормативные (природные) факты (например, «Мучить людей для удовольствия»), либо существуют *sui generis* моральные факты, имеющие внутреннюю (позитивную или негативную) ценность (например, факт «Мучить людей для удовольствия аморально/плохо»). Как нам представляется, эти две крайности соответствуют двум крайностям, на которые указывает Бенуа – натуралистическому редукционизму и метафизическому моральному реализму (платонизму) (см. раздел 2 выше).

Аналогичным образом содержание одноместного предиката «аморально/неправильно/плохо» и содержание двухместного предиката «аморального/неправильного/плохого» с точки зрения интенциональной семантики может быть выражено ненормативными одноместным и двухместным предикатами, так что свойство «аморальный» и аморальное отношение оказываются однозначными (существует одно-единственное свойство «аморальный» и одно-единственное аморальное отношение), хотя существуют различные, в том числе и ненормативные когнитивные моды доступа к этим свойству и отношению. Это означает, что нельзя говорить, как это делают платонисты, что существует некая специфическая деконтекстуализированная моральная сущность (или отношение), которой вещи могут обладать или нет. Всякая оценка предполагает наличие когнитивной моды доступа, которая контекстуальна. От неё нельзя полностью избавиться, подобно тому как нельзя избавиться от перспективы. Уильямсон пишет: «Форма наших репрезентаций играет неизбежную когнитивную роль, которая не может быть сведена к их содержанию¹⁴. (...) Знать истину *simpliciter* – знать её в том или ином облачении (*guise*). (...) В мыслях облачения – это не то, что мы думаем, и не то, о чем мы обычно думаем; это то, с помощью чего мы думаем. Аналогично, в речи, когда вы делаете утверждение, облачение – это не то, что вы утверждаете, и обычно не то, о чем вы утверждаете; это скорее то, при помощи чего вы утверждаете (*what you assert it with*) (хотя слушатель может воспринимать это в другом облачении). Мы должны отслеживать лингвистические или, в более общем смысле, репрезентативные различия, не путая их с различиями на уровне

¹⁴ Williamson T. *Metametaphysics and Semantics*. С. 1 рукописи.

референции»¹⁵. Когнитивная мода доступа может включать в себя лингвистические элементы, в частности, элементы синтаксиса, а также может включать образы, или же быть нелингвистической. «Любое содержание присутствует у субъекта в тот или иной момент времени только в той или иной форме; эта форма – его облачение. Даже физические аспекты языковой формы когнитивно значимы, поскольку они облегчают или затрудняют когнитивные манипуляции»¹⁶. Для Уильямсона «даже метафизика – вид воплощённого познания (*embodied cognition*)»¹⁷. Следовательно, даже метафизическое познание контекстуально. Аналогичным образом, для Бенуа всякое познание «перспективно», но не в смысле перспективизма модерна, который Бенуа критикует, а в том смысле, что оно контекстуально: перспектива не преграждает путь к реальности, а, наоборот, даёт доступ к ней; не существует бесперспективного мышления, познания¹⁸. (В частности, Бенуа критикует различия, которые делает Фреге, между смыслом и референтом и между смыслом и представлением¹⁹. В частности, мода доступа к референту (смысл) у Фреге не внутренняя, а навязывается извне. Бенуа пишет: «Фреговские смыслы суть нечто вроде *объективированных точек зрения*»²⁰. Уильямсон отказывается от семантики Фреге, в частности, по той причине, что она «перспективна»²¹) Мы можем видеть Везувий – тот же самый Везувий – глядя на него с разных сторон. Наше видение будет сопровождаться разными перцептивными опытами, то есть иметь разные когнитивные моды доступа к Везувию²². Такой когнитивный доступ к Везувию не лингвистический, а визуальный. Но если бы вулкан проснулся, у нас была бы звуковая перспектива на Везувий. Мы могли бы сказать: «Это – это», где первое «это» отсылает к Везувию при помощи звуковой моды доступа к нему, а второе – при помощи визуальной моды (возможно, в том же самом контексте). Аналогичным образом, на наш взгляд, известный пример Фреге «Фосфор (утренняя звезда) = Геспер (вечерняя звезда)» можно интерпретировать не при помощи фреговских смыслов, которые отсылают к одному и тому же референту – Венере, – а при помощи визуальных когнитивных мод доступа. Такую интерпретацию можно назвать витгенштейновской. Тождество «Фосфор = Геспер» нормативно. В данном случае роль нормы играет планета Венера. Относительно этой нормы в рассматриваемом контексте Фосфор есть Геспер, то есть высказывание «Фосфор есть Геспер» истинно. Приведём ещё пример из квантовой механики. М. Битболь понимает контекстуальность микросвойств как «факт, что микросвойства не могут быть отделены (*disentangled*) от материального и

¹⁵ Williamson T. *Moral Anti-Exceptionalism*. С. 20 рукописи.

¹⁶ Williamson T. *Metametaphysics and Semantics*. С. 23 рукописи.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Benoist J. *Realismus und Metaphysik*. Коллоквиум Института философии Рейнского Боннского университета Фридриха Вильгельма (9 июня 2016 года), 2016; Лоран Ф. Жослин Бенуа. Реализм и метафизика. *Apriori*. Серия: Гуманитарные науки. 2016. № 6. – <http://apriori-journal.ru/serial1/6-2016/Frederik-Prisi.pdf>.

¹⁹ Benoist J (2017). P. 90-96.

²⁰ Там же. P. 94.

²¹ Williamson T. *Metametaphysics and Semantics*. С.18 рукописи.

²² Benoist J. (2016); Лоран Ф. (2016).

телесного (bodily) контекста их манифестации. Именно благодаря контекстуальности, никакая *независимая* область свойств и сущностей не можем быть подходящим образом определена, тем более представлена»²³. «Материальный и телесный контекст», о котором говорит Битболь, – то, что Уильямсон называет когнитивными модами представления, а Бенуа – перспективами.

Таким образом, и Бенуа, и Уильямсона – моральные реалисты. Каждый по-своему – первый при помощи концептуального анализа, второй – в рамках своего теоретического подхода – отвергают натуралистический редукционизм и метафизический платонизм. Уильямсон показывает, что смешение между способом представления (формой, облачением) суждений и их содержанием ведёт к антиреализму. Именно принятие во внимание этого различия позволяет предохранить семантику от искажений. В свою очередь к-реализм предупреждает от смешения между категориями идеального и реального и, в частности, между представлением реальности и реальностью. Моральный реализм Уильямсона вовсе не является тем метафизическим моральным реализмом, который отвергает к-реализм, а скорее находится в согласии с ним и может быть дополнен детальным контекстуальным и концептуальным анализом, к которому прибегает к-реализм. Ниже мы увидим, что имеется сходство между двумя позициями также в эпистемологии и общей метафизике. Но прежде дадим интерпретацию принципу вывода к наилучшему объяснению, к которому апеллирует Уильямсон, с точки зрения метода концептуального («грамматического») анализа, к которому апеллирует к-реализм.

4. Вывод к наилучшему объяснению и концептуальный анализ.

Согласно принципу вывода к наилучшему объяснению (абдукции), истинной теорией (гипотезой) следует признать ту, которая при условии, что она истинна, наилучшим образом по сравнению с другими имеющимися теориями, при условии, что они истинны, объясняет данную очевидность, рассматриваемые явления. Чем меньше провал между теорией (гипотезой) и очевидностью, тем лучше первая объясняет вторую. Провал отсутствует, если очевидность логически следует из теории (гипотезы)²⁴. Таким образом, ложная теория не может быть наилучшим объяснением. Гидом при поиске наилучшего (истинного) объяснения в конечном итоге является истина, а не другие критерии. Критерии, позволяющие отдать предпочтение одной теории перед другими, суть: простота, эlegantность, информативность, объяснительная сила, точность, глубина, высокая степень когерентности, богатство связей с другими теориями и другие. Это неэмпирические критерии, существование которых позволяет поставить вопрос о «неэмпирическом подтверждении» научной

²³ Physics / eds.: P. Berghofer, H. Wiltsche. Synthese Library, Springer, 2020. P. 227–242. P. 228

²⁴ Уильямсон, например, пишет: «A theory T is a better potential explanation of evidence E than a theory T* if and only if T would explain E if T were true better than T* would explain E if T* were true — in brief, T would explain E better than T* would. In the best case, T explains E by entailing E» (Теория T является лучшим потенциальным объяснением очевидности E, чем теория T*, тогда и только тогда, когда T объясняет E, если T истинно, лучше, чем T* объясняет E, если T* истинно – короче говоря, T объясняет E лучше, чем T*. В наилучшем случае T объясняет E, логически выводя E). (Williamson T. Abductive philosophy. The Philosophical Forum. 2016. 47(3-4). P. 263–280). См. также Best Explanations: New Essays on Inference to the Best Explanation / eds.: K. McCain, T. Poston. Oxford University Press, 2017.

теории – понятие многими оспариваемое (многие физики, например, говорят, что по определению возможно лишь эмпирическое подтверждение физической теории). Например, философ физики Р. Дэвид считает, что возможно «неэмпирическое подтверждение» теории струн, эмпирическое/экспериментальное подтверждение которой в ближайшем будущем невозможно²⁵. Он, однако, прибегает не к выводу к наилучшему объяснению, а другим принципам и, в частности, метаиндукции: если теория не может быть подтверждена непосредственно на опыте, то есть при помощи индукции, она может быть подтверждена метаиндуктивно, если рассмотреть её возникновение в научно-историческом ряду других успешных, предшествовавших ей теорий, с которыми у неё есть глубинные теоретические и другие связи. Поскольку предшествующие теории подтверждены на опыте (экспериментально), теория струн может рассматриваться как имеющая метаиндуктивное подтверждение. Отметим, что принцип индукции некоторые рассматривают как частный случай принципа вывода к наилучшему объяснению. Это делает различие между эмпирическим и неэмпирическим «подтверждением» поверхностным, что подтверждается выводом, сделанным Т. Уильямсоном: различие между априори и апостериори не является существенным и может вводить в заблуждение, что философия не является в собственном смысле наукой. Для Уильямсона не существует эпистемических разрывов между метафизикой, философией физики и теоретической физикой высокого уровня. Дихотомия логического позитивизма/эмпиризма аналитических (или концептуальных) и эмпирических истин отвергается. Аналитических истин для Уильямсона вообще не существует. Подобно математике, философ способен познавать мир, реальность, не вставая со своего кресла, не обращаясь к непосредственному опыту, не производя экспериментов, не делая измерений. Однако очевидностью для него служит всё имеющееся у него (подходящее, важное для той или иной цели) знание, в том числе и обыденное и уже установленное эмпирическое знание. Другими словами, способность познания «внешнего мира» не сводится к эмпирическому познанию в узком смысле.

Вопрос об обосновании самого принципа вывода к наилучшему объяснению не решён²⁶. Здесь в качестве рабочей гипотезы мы интерпретируем наилучшее объяснение «очевидности», понятой как некоторое данное, явление, или языковая игра, как частично корректную экспликацию имплицитного правила (нормы, концептуальной структуры) языковой игры, которой это правило управляет, частично как установление такого правила и, соответственно, уточнение самой языковой игры, которой оно управляет. Исходная языковая игра (данное, явление, очевидность), таким образом, приобретает большую определённую и оказывается объяснённой. Провал между правилом и языковой игрой закрывается в контексте. В принципе он

²⁵ Dawid R. *String Theory and the Scientific Method*. Cambridge University Press, 2015; Прись И.Е. О «неэмпирическом подтверждении» теории струн. *Философия науки*. 2019. no. 2. С. 78–94.

²⁶ Carter J.A., Pritchard D. *Inference to the best explanation and epistemic circularity*. *Best Explanations: New Essays on Inference to the Best Explanation* / eds.: K. McCain, T. Poston. Oxford University Press, 2017. P. 133–149.

может быть закрыт логически в результате обоснования постфактум языковой игры, которое совпадает с её полным объяснением (логическим выводом очевидности). Так понятое наилучшее объяснение автоматически удовлетворяет критериям наилучшего объяснения: простоты (ничего лишнего, кроме необходимого правила и того, что логически следует из него), красоты/элегантности (красота в существовании имплицитного или эксплицитного правила. В частности, всякая симметрия означает наличие эксплицитного или имплицитного правила), информативности (концептуальная/логическая структура языковой игры исчерпывает информацию о ней) и другим.

Если вывод к наилучшему объяснению – частично экспликация грамматики (логики) явлений, частично формирование более определённых явлений, то есть имеет отношение к концептуальному и логическому анализу в широком смысле, то тем самым устанавливается связь между теоретическим подходом Уильямсона, согласно которому философия – это наука, направленная на поиск истины и приобретение знания при помощи метода абдукции, и терапевтическим подходом Бенуа, согласно которому философия – концептуальный анализ, в результате которого также устанавливается истина и приобретается знание²⁷. Ничего удивительного, если признать, что различие между концептуальным и эмпирическим, если оно абсолютизировано, вводит в заблуждение. Согласно к-реализму, подлинные концепты укоренены в реальности. Поэтому концептуальный анализ – одновременно поиск истины и идентификация самих реальных вещей (семантика и эпистемология находятся в постоянном взаимодействии, хотя их и следует разделять²⁸. В частности, как уже было сказано, согласно Уильямсону, следует различать (когнитивную) моду доступа и (семантическое) содержание предложений). К тому же, нормативное/концептуальное и фактическое могут менять свой статус, то есть превращаться друг в друга (следствие укоренённости первого во втором). На самом деле, следует принять лишь категориальное различие между тем и другим: идеальным концептуальным и реальным эмпирическим – тем, что дано в опыте.

5. Эпистемология и метафизика. В метафизике и эпистемологии мы видим следующие сходства и различия между позициями Бенуа и Уильямсона.

Оба философа – антиредуктивные реалисты во всех областях исследования: природной, социальной, моральной, математической и других. Для Уильямсона всё есть то, что оно есть, и ничто другое, а «реальность – это просто то, что есть на самом деле. Просто называя нечто реальностью, мы оставляем совершенно открытым вопрос относительно того, что это такое» [21]. Для Бенуа «реальность просто такова, какова она есть»²⁹, «реальность всегда лишь то, что она есть, и, следовательно, *a priori* нет смысла спрашивать,

²⁷ Прись И.Е. (2021); Benoist J. Concepts. Paris: Cerf, 2010.

²⁸ О разновидностях концептуального анализа см. статью М. Кёльбеля (Kölbel M. Varieties of conceptual analysis. Analytic philosophy. 2021. – 00: 1–19. <https://doi.org/10.1111/phib.12249>). Автор, например, говорит об «эмпирическом концептуальном анализе с конкретным содержанием» (Kölbel M. (2021), P. 9.

²⁹ Benoist J. Reality. META: Research in Hermeneutics, Phenomenology, and Practical Philosophy. 2014. P. 21–27. P. 22.

истинна она или ложна»³⁰. В то же время для Бенуа фундаментальную эксплицитную роль играет различие между реальностью и идеальными нормами: «Reality *simpliciter* is just *what norms apply to*. As such, it is what it is, whether a norm is applied to it or not» (*просто* реальность – это то, к чему *применяются нормы*. Как таковая она просто то, что она есть, независимо от того, применяется к ней норма или нет)³¹. И для Бенуа, и для Уильямсона реальность первична, истина и знание вторичны. Уильямсон пишет: «Знает р концептуально не предшествует р»³².

В эпистемологии для обоих первичен (концептуально) неанализируемый концепт знания, в терминах которого объясняются все другие понятия эпистемологии, в частности, понятия убеждения (belief), обоснования и очевидности. Для обоих стандартная эпистемология начинает не с того конца, поскольку принимает концепт убеждения в качестве первичного концепта и в его терминах объясняет все другие концепты и, в частности, концепт знания, а проблема Гетье и скептическая проблема, возникающие в рамках традиционной эпистемологии, – псевдопроблемы (Уильямсон говорит, что они плохо поставлены)³³.

Оба философа экстерналисты как в эпистемологии, так и в философии языка и философии сознания. Бенуа пишет: «Быть реалистическим (...), но по-новому, неотделимо от технического развития и эволюции наших обществ, означает понять, что *внутреннее вовне (the inside is outside)*»³⁴. С точки зрения к-реализма, мы сами часть реальности, и наш непосредственный перцептивный опыт просто часть реальности – между ним и реальностью нет никакой дистанции (это не перцептивная вуаль модерна). Наше знание – контакт с самими вещами, так сказать «внешним миром». Это ментальное состояние в экстерналистском смысле. Согласно Т. Уильямсону, знание – ментальное состояние, а «фундаментальным для сознания является не пучок (bunch) монадических качественных свойств, составляющих внутренний мир, а сеть отношений между агентом и средой. (...) Суть сознания в том, чтобы включить мир. Знание и действие вовсе не затемняют природу сознания, внося в него примеси из внешней среды, а напротив, они наиболее полное выражение сознания»³⁵. Оба философа считают, что понятие «квалиа» бесполезно для решения проблем, связанных с сознанием, а так называемая «трудная проблема» сознания – псевдопроблема (Уильямсон говорит, что она указывает на область концептуальных смещений).

Уильямсон принимает во внимание социальную природу языка (экстернализм), в частности, критикуя применимость семантики Фреге к

³⁰ Benoist J. D'un Sensible l'Autre. Sur la signification métaphysique des sensibles. Société Française de Philosophie. 20 mars 2021.

³¹ Benoist J. (2021). P. 181.

³² Williamson T. Knowledge and Its Limits. Oxford UP, 2000. P. 243.

³³ Benoist J. Toward a contextual realism. Harvard UP, 2021. ch. 2; Williamson T. Knowledge and Its Limits. Oxford UP, 2000.

³⁴ Benoist J. The World as a Picture and as Reality. New Realism in the World Picture Age / ed.: A. Rojas. Madrid: Apeiron Ediciones. 2020. P. 171–187. P.187.

³⁵ Williamson T. (2017). P. 179–180.

когнитивным модам доступа. Для него в метафизике, как и в других областях, смысл определен социально, а не индивидуально. Также и для к-реалиста смысл имеет социальную природу, но это не следует понимать в том смысле, что смысл устанавливает общество. Смысл – не произвольная конвенция. Аналогичной позиции придерживается Уильямсон. Он указывает на различие между употреблением и упоминанием. Например, говорит Уильямсон, мы можем произвольно изменить смысл слова «личность» (person), начать его употреблять по-другому, но не можем произвольно решить, что есть личность: «Нельзя ответить на вопрос “Кто я такой?” просто лингвистической стипуляцией»³⁶. И Бенуа, и Уильямсон критикуют релятивизм, считают, что релятивизм нарушает семантику объясняемых явлений, логику понятия истины.

В отличие от Бенуа, Уильямсон считает себя метафизическим реалистом в широком смысле. Но для него это означает, что существуют истинные или ложные ответы на вопросы обо всех аспектах реальности. Для него философия – наука, теоретическое познание («даже *анализ* знания, такой как “Знание – обоснованное истинное мнение”, в действительности простая теория знания», – говорит Уильямсон), тогда как для Бенуа философия – концептуальный анализ. Концепты, однако, укоренены в реальности. Это значит, что концептуальный анализ с необходимостью представляет собой и анализ реальности, установление истины и познание самих вещей. Философия для Бенуа работает на подвижной границе между реальным и концептуальным, реальностью и её представлением. То, что в одном контексте представление, в другом – сама реальность³⁷.

Для Уильямсона, но не для Бенуа, спекулятивная метафизика – вполне уважаемое предприятие, при условии, что она использует правильную методологию. К-реализм содержит в себе метафизику. Но Бенуа и Уильямсон по-разному понимают метафизику. Для Уильямсона «метафизика имеет дело с наиболее глубокой, общей природой реальности»³⁸, «метафизика – наука, нацеленная на постижение истины о мире. Она ищет наиболее глубокие, общие ... необходимые структуры мира, реальности». Цель метафизики – «выяснить, какие существуют фундаментальные виды вещей и какие у них свойства и отношения, а не изучать структуру нашего мышления о них»³⁹. Метафизика – теоретическое исследование, имеющая методологическую преемственность с другими формами теоретического исследования. Это стандартное понимание метафизики в современной философии. Бенуа констатирует, что в современной философии ослаблено платонистское измерение – стремление преодолеть чувственное, выйти за его пределы. Для него именно это измерение является подлинно метафизическим. Метафизичность к-реализма не только в том, что он признаёт познание самих вещей, а прежде всего в наличии правильно

³⁶ Williamson T. Disagreement in Metaphysics. Routledge Handbook of the Philosophy of Disagreement / eds.: M. Baghramian, J.A. Carter, R. Rowland. – London: Routledge, Forthcoming. С. 5 рукописи.

³⁷ Benoist J. (2010); Benoist J. *Éléments de philosophie réaliste*. Paris: Vrin, 2011. Ch. 1.

³⁸ Williamson, T. Disagreement in Metaphysics. Routledge Handbook of the Philosophy of Disagreement. eds.: M. Baghramian, J. A. Carter, R. Rowland. London: Routledge, Forthcoming. P. 1 рукописи.

³⁹ Williamson T. *Philosophy of philosophy*. Blackwell, 2007. P. 19.

(реалистически, с учётом категориального различия между идеальным и реальным) понятого платонистского измерения⁴⁰. Нормы идеальны, не часть реальности, но они укоренены в реальности. Они не даны (даны реальные вещи, измеряемые нормами) и превосходят явления, которые возникают в результате применения норм к реальности. Нормы – так сказать «зов Другого», реальности⁴¹. Они требуют своей реализации. Именно нормативное (концептуальное) – идеальное, то, что преодолевает чувственное – является метафизическим в смысле к-реализма. (В этом смысле, быть может, концептуальный анализ грамматики формы жизни можно рассматривать как метафизическое исследование.) Для обоих философов «хорошая» метафизика не бессмысленна и не тривиальна (в частности, метафизические утверждения не сводится к констатации тавтологий или противоречий). Для к-реалиста «плохая» метафизика – абсолютизирующая (деконтекстуализированная) метафизика. Для Уильямсона плохая метафизика нарушает методологические нормы. Уильямсон также признаёт, что метафизическая дискуссия предполагает общий контекст. Другими словами, имеет смысл говорить о естественном расширении контекстуального подхода к обыденному языку на язык метафизический (теоретический).

Критикуя дефляционизм, Уильямсон цитирует Ф.Г. Брэдли: «Утверждение, что реальность такова, что мы не можем познать её, – утверждение о знании реальности» и ссылается на Т. Сайдера, согласно которому дефляционисты относительно метафизической структуры реальности основываются на метафизически сомнительной предпосылке, что мир не имеет своей собственной глубинной структуры⁴². Другими словами, так называемые «дефляционисты» сами занимаются метафизикой. К-реализм не дефляционизм в этом смысле. Он не отрицает отсутствие у реальности (мира) как таковой смысла, природы или глубинной структуры, как если бы о смысле, природе или структуре реальности как таковой имело смысл говорить, как если бы реальность была объектом, располагающимся напротив нас. Определение реальности (реальность – это то, что есть; она просто такова, какова она есть) это не предполагает. Можно, однако, говорить о смысле, природе или структуре той или иной области реальности – форме жизни (концептуализированной области реальности), – но тоже не абсолютно, а в той и только той мере, в которой эта область является определённой. Например, в известной мере имеет смысл говорить о природе физической реальности (благодаря знанию, которое нам даёт физика), социальной реальности, математической реальности и так далее. Когда говорят о смысле, природе или структуре реальности *tout court*, в конечном итоге всегда оказывается, что говорят о смысле, природе или структуре той или иной области реальности. Определить смысл, природу или структуру реальности – выделить в реальности некоторую определённую

⁴⁰ Benoist J. D'un Sensible l'Autre. Sur la signification métaphysique des sensibles. Société Française de Philosophie. 20 mars 2021.

⁴¹ Benoist J. Logique du phénomène. Paris: Hermann, 2016. P. 192–193.

⁴² Williamson, T. Disagreement in Metaphysics. Routledge Handbook of the Philosophy of Disagreement / eds.: M. Baghramian, J.A. Carter, R. Rowland. London: Routledge, Forthcoming. P. 6 рукописи.

область (и наоборот). Подобно тому, как не имеет смысла говорить о природе реальности как таковой, а, следовательно, и её наиболее глубинной (общей) природе, не имеет смысла говорить о наиболее глубинной (общей) природе некоторой (любой) области реальности. Не стоит думать, например, что в физике однажды будет построена фундаментальная универсальная Теория Всего. Такая теория в конечном итоге окажется теорией некоторой области реальности, которую она и очерчивает. Употребляя избитое, но верное, выражение, можно сказать, что любая реальность (и любая её область) бесконечна и неисчерпаема. С точки зрения к-реализма в любой области реальности в бесконечно разнообразных контекстах можно идентифицировать бесконечное число непредопределённых (не преданных) объектов, поскольку с точки зрения к-реализма онтология чувствительна к контексту. Может быть, метафизики думают, что они спорят о природе реальности как таковой, но на самом деле они всегда спорят о природе некоторой ограниченной области реальности.

Наиболее фундаментальные и трудно преодолимые разногласия наблюдаются в метафизике. Одна из причин – в отсутствии общих норм коммуникации. В рамках метафизической дискуссии, как отмечает Уильямсон, стороны должны рассматривать одни и те же вещи как релевантные. В противном случае они не поймут друг друга. К-реалист тоже рассматривает одну из причин труднопреодолимых разногласий в принятии различных норм. Как следствие, то, что существует относительно одной нормы, может не существовать относительно другой нормы (выбор нормы и её применения, а, следовательно, и онтология зависят от контекста). «Однако, когда темой является общая онтология, цель разговора не исключает ни одной сущности, поэтому абсолютно неограниченная общность может сохраняться», – пишет Уильямсон⁴³. Например, тот, кто утверждает, что существуют только простые вещи или что окружающие нас обыденные предметы на самом деле не существуют, а существуют лишь атомы и молекулы, ошибается. С точки зрения к-реализма существуют контексты, в которых одни нормы превосходят другие, некоторые нормы оказываются ложными эмпирическими утверждениями. Например, геоцентрическая система с точки зрения современного миропонимания может рассматриваться как ложная теория, тогда как в средние века она играла роль нефальсифицируемой нормы. Метафизические утверждения – наиболее общие утверждения. Но из этого не следует, что они ни истинны, ни ложны. В метафизических дискуссиях речь идёт об истине. Одна из сторон права, а другая ошибается. В этом смысле, согласно Уильямсону, «разногласия в метафизике во многом схожи с разногласиями в других теоретических областях»⁴⁴.

Имеется также определённое сходство в подходах к-реалиста и Уильямсона к модальностям, поскольку Уильямсон определяет метафизические модальности, исходя из анализа контр-фактических утверждений

⁴³ Там же. Р. 4 рукописи.

⁴⁴ Там же.

(сослагательных предложений), употребляемых в обыденной жизни и обыденном языке⁴⁵.

Вообще тезис Уильямсона, что философия и, в частности метафизика, не является исключительной областью исследования по сравнению с науками и даже обыденным познанием – философия и другие науки есть теоретическое расширение и углубление обыденного познания – соответствует духу витгенштейновского к-реализма, который тоже отталкивается от обыденного языка, но отрицает существование непреодолимой границы между ним и научным языком.⁴⁶ Более того, как известно, например, математический язык послужил для Витгенштейна парадигмой для исследования явлений обыденного языка и развития его философии обыденного языка.

Можно констатировать, что Бенуа и Уильямсон выходят из кантианской парадигмы и отвергают основные предпосылки философии модерна.

Таким образом, мы сближаем витгенштейновский в широком смысле контекстуальный реализм Ж. Бенуа, как мы его понимаем и интерпретируем, и «метафизический» в широком смысле реализм Т. Уильямсона, то есть на первый взгляд несовместимые подходы. Мы констатируем существенные сходства между двумя позициями в семантике, эпистемологии, метафизике и философии морали. Терапевтический подход Ж. Бенуа и теоретический подход Т. Уильямсона не противоречат, а во многом дополняют друг друга. Оба философа отвергают предпосылки философии модерна и выходят из кантианской парадигмы. Оба считают, что мы познаём сами вещи. Реализм обоих распространяется на все области исследования, включая этику.

⁴⁵ Williamson T. *Philosophy of philosophy*. Blackwell, 2007. Ch. 5.

⁴⁶ Уильямсон пишет: «Философия, как и наука, начинает со способов познания и мышления, которыми обладают все нормальные человеческие существа, и применяет их немного более тщательно, немного более систематично, немного более критически, повторяя этот процесс снова и снова» (Williamson T. *Philosophical Method: A Very Short Introduction*. Oxford: Oxford UP, 2020. P. 4-5). См. критику метафилософии Уильямсона в работе Hacker P.M.S. *A philosopher of philosophy*. *The Philosophical Quarterly*. 2009. Vol. 59. №235. Как нам представляется, эта критика в основном основана на непонимании его позиции.